

Елена Бессчетнова

**Владимир Кантор. Изображая, понимать, или *Sententia sensa*:
философия в литературном тексте. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017. –832
с.. — (Серия «Российские Пропилеи»)**

Большие художники живут в атмосфере больших идей,
только так и создаются великие произведения

В.К. Кантор

В 2017 году вышла новая книга писателя и философа Владимира Кантора «Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном контексте», которая сразу же стала знаковым событием в жизни академического сообщества. Стоит отметить, что книга писалась на протяжении практически десяти лет, а в её основе лежит, наверное, один из лучших учебных курсов для студентов-философов «Философия в мировой художественной литературе». Этот курс с первой лекции захватывал каждого слушателя, погружал в огромный и бесконечно прекрасный мир художественной литературы. Его главная задача была научить студентов видеть текст, то есть улавливать проблемы в нем заложенные. Если исходить из философского представления, что мир есть текст, то умение читать, видеть этот текст – одна из важнейших задач в воспитании будущего философа. Одна из студенток В.К. Кантора свою речь на его юбилеи закончила фразой: «Спасибо Вам за то, что научили нас читать!». Как бы наивно и по-детски она не звучала, но это действительно так. Благодаря курсу профессора Кантора мы его студенты научились читать, а именно научились анализировать тексты, видеть, философское сцепление сюжетных линий, взаимосвязь эпизодов, а не случайность слов в великих произведениях

Новая книга В.К. Кантора – это, безусловно, огромный подарок для тех, кто уже знаком с его статьями и рецензиями и тем более для тех, кто еще только их откроет для себя. Каждый читатель столкнется с тем самым удивлением, которое Аристотель называл архэ философии и которое по новому позволяет взглянуть на уже привычные вещи. В данном же конкретном случае под новым углом посмотреть на классические произведения, переосмыслить устоявшиеся их трактовки и комментарии к ним.

В предисловии автор очень точно отметил, что «литература всегда существует в некоем контексте» (с.7). В книге акцент сделан, прежде всего, на культурный

контекст, точнее даже на единый европейский культурный контекст. Русская литература выступает как неотъемлемая и органичная часть европейской культуры. Это показано на примерах произведений А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Вл.С. Соловьева. Именно последний в своей работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» отметил, что самое подходящее существительное для прилагательного русский – это европеец, и далее добавил, что понятие европеец должно совпасть с понятием человека, а понятие европейской культуры с культурой общечеловеческой. О понятии общечеловечности писал Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя», но еще ранее в начале XIX века Н.М. Карамзин, которому в книге посвящена статья «Карамзин, или Сотворение русского европейца». Автор справедливо отметил, что «Карамзин вводил новые смыслы и перестраивал российское сознание» (с.370). Именно ему принадлежит тезис о том, что вся суть европейского духа заключается в том, чтобы воспринимать себя частью единой всеевропейской культуры. Но Карамзин говорил не только о европейской части света, он мыслил гораздо шире, он пошел дальше и писал о человечестве в целом, о важности гуманистических ценностей для всего мира, а также о всеобщей преемственности идей.

В.К. Кантор в своей книге эту идею полностью разделяет, он далек от одностороннего географического и политического подхода к определению границ Европы, автор пользуется гораздо более широким культурным подходом. Быть европейцем – это быть личностью, разделяющей европейские культурные ценности. В этом контексте глава в рецензируемой книге об аргентинском европейце Хорхе Луисе Борхесе не случайна. Борхес стал «опознавательным знаком аргентинской культуры» (с.593). В.К. Кантор отмечает, что «предметом художественной рефлексии у Борхеса выступает вся мировая культура. Порой даже начинает казаться, что писатель задумал дать свои вариации практически всех имеющихся в литературе вечных тем» (с.597). Кантор наглядно показывает, как появляется такое свойство таланта, как всечеловечность, которым из русских писателей и поэтов, по точному замечанию Ф.М. Достоевского, обладал, прежде всего, А.С. Пушкин.

Кроме того, автор книги убежден, что культура, и литература как её неотъемлемая часть не может существовать в полной изоляции и замкнутости. В.К. Кантор показал, что культуры достигают уровня цивилизации, увеличивая количество своих первоначальных смыслов через усвоение опыта соседних культур. Таким образом, происходит внутренняя переработка и на этой внутренней переработке, заимствовании смыслов держится развитие культур, их внутренний

рост и самообучение. Если Россия XVIII века училась у французских просветителей, представителей немецкой классической философии, английских экономистов, итальянских художников, композиторов архитекторов, то с середины XIX века Европа начала читать русских авторов. Результатом Петровских реформ, которые многими не совсем справедливо рассматриваются, как пример внешнего копирования европейского быта, стал калейдоскоп великих русских поэтов, писателей, художников и архитекторов. Россия ответила Европе Пушкиным, Достоевским, Толстым. Появилась русская классика, сам факт наличия которой встроил Россию в мировую повестку. В.К. Кантор в своей книге исходит из тезиса о том, что русская классическая литература – это не простое описание жизни в формах самой жизни, но, прежде всего, особый духовный феномен. Автор говорит о философской глубине в русской классике. Взаимовлияние и взаимный интерес между русской и западноевропейской философией очевиден. Но стоит отметить, что именно русская литература была «детоводительницей» русского общества к философии. Основные идеи и концепции русских мыслителей создавались на пересечении философии и литературы.

В.К. Кантор в своей книге показал, что художественная литература – это естественная реакция на происходящее события во внешнем как эмпирическом, так и интеллектуальном мире. Автор точно отметил, что «литература научилась производить эти смысловые взрывы <...> но еще более важным для литературы является её сопряжение с философией. Уже диалоги Платона были одновременно и великой философией, и великой литературой. Философия, в отличие от естественных наук, основана не только на рацио, но и на эмоции, на интуиции. <...> Большая литература и есть, в сущности, «чувствуемая мысль». Но самое главное – его творение имеет личностный характер, оно не безлично, как продукт научного творчества» (с. 10).

По своей структуре новая книга В.К. Кантора – это сборник отдельных статей и рецензий, которые разделены на три большие смысловые части: Свет бытия, Наступление на разум XIX и начало XX века, Судьба человека и его возможности XX век.

Первая часть неслучайно начинается с цитаты из Евангелия от Иоанна, а точнее с его первых строк «В начале было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». Если Моисей говорит, что сначала сотворил Бог землю и небо, то апостол Иоанн начинает свой текст со слов «В начале было Слово», и это

означает, что Слово существует от века, а не впоследствии получает свое бытие. Конечно, пролог к тексту Евангелия от Иоанна – это гимн о Христе, как воплотившемся вечном Слове и Боге. Но здесь важно ответить, что метафора апостола намеренно подчеркивает то, что как Сын рождается от Отца бесстрастно, так и слово рождается от ума бесстрастно. Таким образом, автор обозначил основу формирования идей, которыми пропитана вся европейская культура. Европа – это *Corpus Cristianum*, а её становление происходит в горизонте высших – христианских ценностей, это и есть истинный «Свет бытия». Кроме того, именно разумное и обдуманное слово, а не сила – главное оружие христианского воина. Отметим также, что первый текст книги – это статья «Гамлет как христианский воин», в которой «образ Гамлета рассматривается в контексте реформационных и предреформационных идей, прежде всего текстов Томаса Мора, Эразма Роттердамского» (с.17).

Автор показывает, что отзвуки идей Пико делла Мирандола, Мартина Лютера, Эразма Роттердамского звучат в речах принца. Автор напоминает нам, что Гамлет и его друг Гораций были студентами Виттенбергского университета, а в Виттенберге жил и опубликовал свои 95 тезисов Лютер. В.К. Кантор отмечает, что «Гамлет христианин, о чем говорится на каждом шагу, но в пьесе нет священника. Ему не на кого переложить свои проблемы. Но так и требует протестантизм, когда священник в душе каждого мирянина (с. 24). Но самое удивительное открытие – это иллюстрация к первой главе, представляющее собой маленькое фото открытие В.К. Кантора «Когда я был в Виттенберге, немецкие друзья показали мне дом, который символически считается "домом Гамлета". Ведь принц здесь учился. Я подошел поближе и увидел на доме табличку "Johann Faust". Как известно, современник Шекспира Кристофер Марло поставил в Лондоне трагедию "Фауст". То есть Виттенберг был на слуху у лондонского зрителя. И вот странное сближение» (с.25).

Для В.К. Кантор «Гамлет» Шекспира – это одно из трех главных европейских художественных произведений наряду с «Божественной комедией» Данте Алигьери и «Фаустом» Гете. Именно этими тремя великими авторами были артикулированы проблемные вопросы, которые в дальнейшем будут подняты практически во всех великих произведениях европейских авторов. Это, прежде всего, вопрос о проблеме зла или об изначально злом в человеческой природе, тема искушения, в том числе искушения женщиной, наказания за преступление, тема близости и экзистенциального переживания ада, проблема теодицеи.

Стоит отметить, что Данте стал ориентиром для многих европейских авторов. И это неслучайно. В.К. Кантор справедливо отметил, что «Данте задал новой европейской литературе уровень и в значительной степени проблематику. Путешествия гомеровского Одиссея в Аид, а затем вергилиевского Энея в потусторонний мир и их встречи с античными героями были до Данте, но менее отчетливы, чем образы Данте, о котором современники говорили «Он был в Аду»» (с. 59). Именно великий итальянец писал о том, что ад имеет гораздо больше соприкосновений с нашей действительностью, чем человек изначально предполагает, и в этом контексте необходим разум, данный нам Богом, для преодоления безумия земной жизни. В.К. Кантор блестяще показал, каким образом эти мотивы звучат у Оноре де Бальзака, а из русских авторов у Ф.М. Достоевского, русского Данте, как его называл Томас Манн. Стоит отметить, что Бальзака и Достоевского Кантор называет «фигурами между собой равновеликими» (с. 59). Оба они рисуют свой образ земного ада. Бальзак в «Отце Горио» ад парижский, а Достоевский в «Преступлении и наказании» ад петербургский.

В.К. Кантор блестяще показывает параллели между двумя текстами. Он начинает с очевидных пересечений в образах главных героев (оба они юристы по образованию, фамилии начинаются с одного слога «Растиньяк и Раскольников»), оба по своему переживают встречу с бесовским началом, свою близость к аду) и заканчивает основной темой романов – необходимости борьбы с наваждением, помрачением разума, проблемы вполне дантовского масштаба.

В этой же главе поднята проблема теодицеи, которая является одной из основных проблем, как европейской философии, так и европейской литературы. Это тема была артикулирована, строго говоря, еще в Ветхом завете, в библейской книге Иова, прототеодиции по меткому замечанию В.К. Кантора, и продолжена была Августином, утверждавшим, что Богу все внятно, Лейбницем, Вольтером, Достоевским. В.К. Кантор у Достоевского в «Братьях Карамазовых» выделяет новое понятие «религиозного аутизма». Автор книги отмечает: «Иван скорее праведник, чем грешник. И черт души его не получает. Как не получает нечистый и Иова. Бог не мешает чёрту издеваться над избранными Сынами мира сего. Иван эту проверку проходит. Значит, религиозный аутизм оценен высшей силой. Если прав Розанов и в образе Великого инквизитора дан вариант Иова, спорящего с Богом, то это углубляет проблему» (с.52). В книге показано, как Достоевский идет вслед за Августином, утверждая, что позиция нового Иова признается в результате «абсолютной откровенности перед Богом, в Исповеди» (с. 52). Также в главе отмечается, что

Августина в «Чтениях о Богочеловечестве» перефразирует Вл.С. Соловьёв, близкий друг Достоевского, через которого писатель и знакомится с текстами Бл. Августина. В своей книге В.К. Кантор такого рода интеллектуальные пересечения и взаимосвязи разных авторов прорисованы очень точно. Соловьёв был также и последователем Данте. Философ и поэт подчёркивал, что именно начиная с Данте и его работы «*De monarchia*» идея всемирной монархии продолжает приобретать своих сторонников. Цитаты из Данте мы находим во всех произведениях Соловьёва, и это свидетельствует о том, что философ был очень хорошо знаком с поэтическим наследием великого итальянца. Соловьёв переводил Данте, в его переводе известны два сонета: Сонет 8, «*Vita Nuova*», XV, 4–6 и Сонет 6, «*Vita Nuova*», XIII, 8-9. Оба эти сонета о любви, первый из них был посвящен брату Михаилу. Тема любви в проекте всемирной теократии Соловьёва не случайна. По мысли Данте, повторившего Бозция, любовь движет солнце и другие звезды. Тем более она должна двигать построение человеческого общества. Соловьёва называли рыцарем Софии, Вечной женственности. Но впервые этот образ в мировую литературу ввел именно Данте, а вслед за ним Гете, закончив «*Фауста*» фразой «Здесь – заповеданность Истины всей. Вечная женственность. Тянет нас к ней». Раскрытию образа Вечной женственности (*Das Ewig Weibliche*) посвящена третья глава первой части книги. В ней проведена линия трансформации восприятия образа Вечной женственности от идеальной внеземной путеводительницы души мужчины у Данте и Гете, через образ уездной барышни Пушкина и Софию - Премудрость Бога Соловьёва к демонизации этого образа в начале XX века при смене эпох.

Стоит отметить, что основным героем первой части книги является Ф.М. Достоевский, именно в контексте его произведений или в сравнении с его героями рассматриваются произведения и других авторов и мыслителей: Гофмана, Чернышевского, Беряева. В.К. Кантор это объясняет следующим образом «Именно духовный опыт Достоевского лег в основу русского философствования. (с. 58). Первая часть книги завершается беседой С.А. Медведева и В.К. Кантора в рамках программы «Археология» о Достоевском как ветхозаветном пророке, которая завершается знаковой фразой Вяч. Иванова «Достоевский научил Россию жить сложно» (с. 349), а это в полной мере соответствует мысли автора рецензируемой книги о том, что Достоевский был одним из тех, кто структурировал не только русское, но и европейское интеллектуальное пространство в целом.

Вторая часть книги «Наступление на разум XIX и начало XX века» символично посвящена двум русским европейцам (Н.М. Карамзину и А.С. Пушкину).

Как уже отмечалось выше, именно они задали вектор развития русской культуры как неотъемлемой части культуры европейской. Карамзин относился к новому типу русского культурного человека, который прошел долгий путь к пониманию, того, что значит не только считать себя, но и в действительности быть просвещенной личностью. В.К. Кантор отметил, что Карамзин создал «без преувеличения – практически всю область русской духовности» (с.353). Он дал России Историю, показал, что Россия это не пустое пространство, ибо свет разума ей также доступен и в России возможна мысль. Та самая мысль, о которой мечтал П.Я. Чаадаев. Автор книги же заметил, что «эту мысль и рождал Пушкин» (с. 387). Можно сказать, что в трактовке В.К. Кантора, как и А.С. Пушкин, так и Н.М. Карамзин являются рыцарями просвещения, благодаря которым появилась надежда на разумное становление нового русского общества, именно в этот момент «российское самосознание, открытие Россией самой, и как следствие миром России» (с. 392) стало возможно. Появились писатели и мыслители, которые показали, что Россия способна к самотворчеству европейской культуры. Но при этом такой духовный подъем оказался доступен лишь избранным, так как он требовал огромной работы отдельной личности над собой и всего общества в целом. В.К. Кантор в своей книге показал, как русская литература уловила и показала те противоречия российского социума, мешавшие его поступательному развитию. В книге очень точно показано как эпоха надежд сменилась эпохой катастрофических предчувствий. Именно с пророчеств Ф.М. Достоевского, Вл.С. Соловьева начался новый XX век. Россия оказалась в преисподне небытия, а вслед за ней туда рухнула и вся Европа. Это был конец трагической эпохи. XX век стал веком ужаса, сошедшего с ума разума. Каким образом художественная литература ответила на эти цивилизационные взрывы, В.К. Кантор показывает на примере творчества Франца Кафки, Ильи Эренбурга, Евгения Замятина. Стоит отметить, что Ужас (Angst) - это основное понятие философии Хайдеггера. Ф. Кафка в свою очередь в своих романах нарисовал образ нового феодалитета и дал образ нового героя - человека из хора, «неожиданно обретающий судьбу, сталкивающийся с какой-то надличной силой. Но вот является ли эта сила орудием Божественного провидения – весьма сомнительно. Трагического примирения с субстанциональным состоянием мира у Кафки и его героев не происходит. <...> изменился мир, это мир, где стал действовать закон больших чисел, где исчезла индивидуальность, где поэтому нет Бога» (с. 467). Появился новый тип человека, человека усредненного, которого предыдущие эпохи не знали. В.К. Кантор в главе «Трагедия и становление массового общества», опираясь на работы Ф.А.

Степуна о М. Горьком и Ф.М. Достоевском, показал, каким образом в XX веке человек стал заложником массового сознания. Отдельно подчеркивается, что у такого человека появилась своя литература, ставшая антитезой русской классики. В.К. Кантор отметил, что «принципиальное расхождение русской публицистики, почти единодушно осудившей Горького, и сочувствия Горькому со стороны «большой публики» представляет собою явление характерное» (с. 448).

Но при этом в третьей части книги автор блестяще показал, что вопреки безумию мира, дух истинной литературы уничтожить невозможно. Судьба человека трагична, но его возможности безграничны. Вопреки всем тенденциям XX века появились новые имена, новые авторы, сохранившие высшие смыслы человеческой культуры. В третью часть книги вошли рецензии и обзоры В.К. Кантора о творчестве Генриха Бёлля, Дж.Р.Р. Толкиена, Яана Кросса, Станислава Лема, А.Т. Твардовского. Отдельная статья посвящена жизни и прозе Владимира Кормера. Про своего близкого друга В.К. Кантор написал замечательные слова, которые точно показывают уровень, на котором этот автор стоял: «Владимир Кормер не любил политиканства, не принимал его. У него были другие ценности, которые можно было бы определить такими словами: достоинство, самоуважение и порядочность. Он сам выбрал свой путь и не хотел, чтобы другие оказались вынуждены разделить взятую им на себя ответственность» (с. 747).

Но ведь и сам автор книги – одновременно писатель и философ. Каждый его роман философичен, а каждая философская статья и монография литературна. Иными словами В.К. Кантор, на примере, своего собственного творчества показывает, что литература и философия взаимосвязаны и что каждое великое литературное произведение всегда находится в напряженном поле философских идей. Примечательно, что книга-исследование, посвященная анализу текстов Данте, Шекспира, Гофмана, Бальзака, Достоевского, Кафки заканчивается небольшим интервью его бывших студентов с В.К. Кантором, и это справедливо, ибо он в своих работах продолжает ту прямую линию, заданную много веков назад и указывающую тот вектор пути, на котором пока стоит высокая классика человеческой культуры.